

Разумеется, местом для следственного эксперимента выбрали усадьбу Ше Цзе. Решено было воссоздать картину «преступления» прямо там, дабы неподкупный судья Ше лично вынес приговор.

«Неподкупный судья» внезапно почувствовал, что голова у него снова раскалывается. В висках тяжело, мерно стучало, в желудке разлилась ноющая боль — словом, во всём теле не осталось ни одного спокойного уголка.

«Должно быть, это последствия того злополучного удара и долгого беспамятства, — уныло размышлял Ше Цзе. — С телом творится чёрт знает что»

[Небесный камень: В мою систему интегрирована функция диагностики здоровья, регулярно отслеживающая твоё физическое состояние. В настоящий момент никаких отклонений от нормы не выявлено. Последствия прежней травмы устранены на сто процентов. Требуется ли провести психическое обследование? Основываясь на твоих неоднократных жалобах на мнимые недуги, я склоняюсь к выводу, что ты страдаешь синдромом Мюнхгаузена или ипохондрией.]

«Заткнись! — мысленно огрызнулся Ше Цзе. — Ещё твоих нотаций мне не хватало»

От голоса Небесного камня голова Ше Цзе разболелась ещё сильнее.

На сей раз родственники из родной деревни подготовились на славу. Проявив трогательную заботу о неокрепшем здоровье едва оправившегося от болезни юноши, они прихватили с собой абсолютно всё необходимое. «Место преступления» обустроили в мгновение ока — так, чтобы не утруждать Ше Цзе и одновременно с тем надёжно защитить свои законные права.

И ведь надо же было додуматься до такого: даже вещественные доказательства они притащили с собой, бережно завернув в промасленную бумагу.

Ше Цзе развалился в кресле, разнеженный небывалой ленью; в его теле словно вовсе не было костей. Словно медлительная черепаха, он нехотя вытянул шею и заглянул в бумажный свёрток в руках мужчины, который по семейному древу приходился ему старым дядей.

Внутри не оказалось ничего, кроме кучки куриных перьев. Настоящее свинство. Или, точнее, курятник.

Старый дядя принялся аккуратно раскладывать перья на каменных плитах двора. Там углём уже был начерчен круг, изображавший его собственный дом, и вытянутый овал, заменявший забор. По соседству красовался ещё один круг — жилище его соперника, старца Гу, который по родословной уступал ему в старшинстве.

Почему старца Гу называли «младшим»? Да потому, что родственная связь между ними была

настолько далёкой и запутанной, что назови старый дядя его правнуком — это прозвучало бы как откровенное издевательство.

Глядя на получившийся шедевр угольной живописи, Ше Цзе погрузился в весьма двусмысленные размышления. Нарисованное на плитах художество выглядело на удивление... непристойно.

«Неужели у меня, — Ше Цзе тряхнул головой, — просто разыгралась фантазия?»

Тем временем старый дядя выудил из-за пазухи ещё один кулёк из промасленной бумаги. Внутри лежала горсть чёрной шелухи от арбузных семечек.

— Только не говорите мне, — наконец не выдержал Ше Цзе, — что вся его вина заключается в краже горсти семечек.

— Племянничек, до чего же ты проницателен! — обрадовался старый дядя. — Именно он их и слопал!

На этот раз старик рассуждал на чистейшем государственном наречии гуаньхуа, так что Ше Цзе понял его без труда.

Старец Гу тут же взвился. Видимо, набив руку на бесконечных препирательствах, он тоже заговорил на вполне сносном официальном языке:

— Дядя моего деда, это же наглый поклёп! С чего бы мне воровать его семечки? Будто у меня в огороде свои ханьгуа не растут и я сам семян не сушу!

Под «ханьгуа» подразумевались обычные арбузы — просто под старым названием. Великая династия Ци переживала эпоху бурных перемен, когда старая культура уступала место новой, и у многих привычных вещей появлялись двойные имена: паланкины именовали то «цзяньйюй», то «цзяоцзы», а арбузы — то «ханьгуа», то «сигуа». В прежние времена эти бахчевые выращивали лишь в малых количествах исключительно для императорского двора и знатных семейств, и лишь в последние годы они разошлись по всей стране. Цзянцзо, как колыбель правящей династии, одним из первых перенял эту культуру, оттого здесь и прижилось старинное название.

Изобретательность и пытливый ум простого люда Поднебесной испокон веков ярче всего проявлялись в гастрономии. Завидя любое диковинное новшество, китаец первым делом задавался тремя вопросами: съедобно ли это, вкусно ли и как это приготовить?

Ярчайшим примером тому служил древний трактат «Шань хай цзин» — «Каталог гор и морей», где описание каждого диковинного зверя или растения неизменно венчалось лаконичным вердиктом: «пригодно в пищу» или «ядовито».

Если уж люди научились выковыривать нежнейшую мякоть из тончайших крабьих клешней, то с арбузами и подавно церемониться не стали. Без всяких подсказок свыше крестьяне во всех деревнях почти одновременно открыли для себя новое развлечение — щёлкать сушёные семечки в свободные от трудов часы.

— Ладно, выразился не так, — вздохнул Ше Цзе.

Ему безумно хотелось взвыть от тоски. Тащиться в город дважды ради горстки семечек — ну не бред ли? Но ввязываться в эту нелепую войну не хотелось ещё сильнее.

— Пусть будет «семечки бесследно исчезли». Договорились? Подумаешь, велика потеря! Я вам целый мешок пришлю взамен!

Ше Цзе привык решать любые проблемы просто и грубо — швыряя в них деньги. От него так и веяло неистребимым душком вульгарного богатства и медных монет.

Однако старый дядя упрямо вскинул подбородок и наотрез отказался. Пусть он всю жизнь гнул спину на пашне под палящим солнцем, в его жилах текла кровь клана Ше, а потому высокомерие и гордыня были у него врождёнными — точь-в-точь как у покойного Ше Хэ.

— Дело не в том, горсть там или две! — отрезал старик. — Дело в тридцати трёх штуках!

Ше Цзе и старец Гу вытаращились на него в немом изумлении.

— Вы что... даже семечки пересчитали?

— Я всегда складываю их кучками по тридцать штук, ясно вам? — проворчал старый дядя. — Одна кучка пропала целиком, а во второй явно кто-то копался — как раз трёх штук недосчитался. Считать там нечего! И я вовсе не скряга, мне не нужно возмещение. Я хочу, чтобы этот негодяй извинился!

— С какой стати мне извиняться?! — вскипел старец Гу. — Не брал я ничего! Зачем напраслину возводишь? Когда ты в прошлый раз оборвал у меня полтора листа белой капусты, дело тоже замяли!

Да, предыдущий спор соседей касался загадочного исчезновения листьев белой капусты с грядки старца Гу.

Судя по тому, как бойко оба лепетали на государственном диалекте, эти взаимные упрёки они озвучивали далеко не в первый раз. Постоянные препирательства отточили их ораторское мастерство до совершенства.

Ше Цзе повернулся к своему дальнему родственнику и смерил его долгим взглядом:

— И у тебя ещё поворачивается язык называть его мелочным? Человек, который пересчитывает листья белой капусты на собственных грядках, не имеет права насмехаться над тем, кто считает семечки!

— Я ещё тогда сказал, что и пальцем не трогал твою белую капусту! — продолжал упорствовать старый дядя.

— Если не ты, то кто? Призраки, что ли?! — Старец Гу шагнул вперёд, багровея от злости.

И они снова принялись осыпать друг друга бранью.

Поначалу они ещё сдерживались, пытаясь говорить на благопристойном гуаньхуа, но гнев быстро взял своё, и оба скатились на родной деревенский диалект. Здесь, на своём исконном лингвистическом поле, они чувствовали себя как рыбы в воде. Даже не понимая ни слова, Ше Цзе по одной лишь интонации ощущал всю ярость и вековую беспощадность этой словесной битвы.

Ше Цзе опять оказался в роли глухонемого зрителя. Впрочем, суть раздора он уже уловил.

У старца Гу пропали листья белой капусты, и подозрение пало на соседа — старого дядю. Тот отпирался до последнего. Дело дошло до грандиозного скандала и поездки в Цзянцзо во время праздника Середины осени, дабы рассудить спор пред поминальной табличкой Ше Хэ. Но поскольку у каждого была своя правда, прийти к согласию им так и не удалось, и спорщики несолоно хлебавши вернулись восвояси. Кто же знал, что спустя всего несколько дней у старого дяди убудет арбузных семечек! Старик решил, что это подлая месть соседа, а старец Гу обвинил его в бредовых фантазиях. И вот они снова предстали пред очи Ше Цзе в Цзянцзо.

Ше Цзе уныло молчал.

«Я возьму вам всё в двойном... нет, в десятикратном размере, — мысленно взвыл Ше Цзе. — Только замолчите!»

Однако деревенские родственники оказались людьми на редкость принципиальными. Они в один голос выкрикнули на гуаньхуа:

— Не пойдёт! Дело вовсе не в деньгах!

Десять лет жить бок о бок в мире и согласии, чтобы в один миг превратиться в кровных врагов из-за листа белой капусты и горсти семечек... Поистине, многообразие человеческой глупости не знает границ.

— А вам не приходило в голову, что воришка — кто-то третий, обчистивший оба двора? — спросил Ше Цзе, про себя решив, что если этого третьего не существует в природе, он его самолично выдумает.

— Моя белая капуста росла на высоком земляном возвышении, — старец Гу принялся усердно размахивать руками, попутно подрисовывая углём новые детали к своему непотребному плану на камне. — Вокруг этого холмика сплошной чернозём. Чужак непременно оставил бы глубокие следы. Но если протянуть руку со стороны его двора, то топтаться на моей земле и не придётся!

— А если это было какое-нибудь животное? — предположил Ше Цзе.

Великая династия Ци славилась богатством развлечений: люди предавались праздности и забавам на любой вкус и кошелёк. У знати были свои причуды, у бедняков — свои, но и те и другие обожали заводить домашних питомцев. Богачи держали их ради забавы, простолюдины — для охраны двора. К примеру, император Шэнь-цзун, приходившийся Ше Цзе родным дядей по материнской линии, был заядлым голубятником и тратил на своих пернатых любимцев уйму времени.

— Это какой же зверь станет лузгать семечки, аккуратно складывая шелуху, да ещё и раскидывать повсюду куриные перья? — В этот миг в старого дядю словно вселился дух прославленных судей Ди и Бао. Он зорко прищурился, демонстрируя невероятную дедукцию.

— Мой Эр-е, например, — не задумываясь, выдал Ше Цзе.

Будучи первым гулякой и бездельником столицы Юнцзи, Ше Цзе просто обязан был обзавестись питомцем. Его Эр-е был заморской диковиной, приплывшей на огромном купеческом судне пряником по Морскому шёлковому пути — невиданная роскошь и щегольство по тем временам.

Ше Цзе души в нём не чаял, оттого и прозвал уважительно — Второй господин, Эр-е. Этот шельмец отличался завидным умом, скверным характером и крайней привередливостью в еде — словом, уродился весь в своего двуногого «папашу».

К несчастью, в Цзянцзо Ше Цзе отправился вместе с двоюродным братом по делам государственной службы. Великая старшая принцесса-покровительница государства тогда ещё тешила себя наивной надеждой, что её непутёвый сын наконец остепенится, возьмётся за ум и пойдёт по стопам своего великого отца. Она наотрез отказалась отпускать Ше Цзе вместе с Эр-е:

— Где это видано, чтобы чиновник на государственной службе таскал за собой зверинец? Люди в поход даже любимых наложниц брать не смеют, а ты собрался везти это недоразумение?!

Ше Цзе пришлось смириться. Однако вышло так, что он надолго осел в Цзянцзо и

возвращаться в столицу не спешил. Великая принцесса хоть и не признавалась вслух, но сильно тосковала по сыну, а потому оставила Эр-е у себя — в качестве пушистого заложника.

Эр-е мог лишь выразить своё глубочайшее презрение молчанием.

Старый дядя лишь замахал руками:

— То столичная роскошь, откуда в нашей глухомани взяться подобной твари? Здешнее зверьё радо любой корке. Если уж они куда заберутся — подчистят всё дочиста, ни крошки не оставят, понимаешь? Голодный человек от нужды древесную кору грызть станет, а уж бессловесный скот и подавно.

— И чего же вы тогда хотите? — устало спросил Ше Цзе.

— Чтобы он немедленно извинился! — в один голос выкрикнули упрямы и снова свирепо уставились друг на друга.

Ше Цзе почувствовал, что его терпение окончательно лопнуло.

\*\*\*

Вернувшись от соседа, Фан Чаоцы закрылся в своём кабинете. Он сидел неподвижно за массивным столом из красного дерева и неотрывно созерцал лежавшие перед ним золотые мандарины из Цзянси. Сам не прикасался и слугам запретил близко подходить. Он просто смотрел на них — так пристально, словно пытался разглядеть на гладкой оранжевой кожице бутоны невиданных цветов.

В окно бесшумно скользнул белоснежный кот. Грациозно усевшись на краю столешницы и плотно сдвинув лапки, он высокомерно вскинул голову, взирая на хозяина сверху вниз.

Лишь оставшись наедине с собой, Фан Чаоцы сбрасывал привычную маску благопристойности. Он безучастно уставился на кота своими глубокими, тёмными глазами, в которых не читалось ни единой эмоции. В этот миг в его облике наконец проступили те самые холодность и безразличие, которые Ше Цзе подсознательно всегда в нём подозревал.

Кот осторожно потянул мягкую лапку к спелым мандаринам.

Фан Чаоцы молниеносным движением сцапал фрукты, спрятал их в ладонях и ледяным, не терпящим возражений тоном отчеканил:

— Моё!

<http://bllate.org/book/19472/1988502>